

**Кириллов Сергей,
г. Советск**

ЛИЗКА

Лизка – гнедая десятилетняя кобыла – всю свою жизнь помогала лесникам в исполнении их многотрудных обязанностей: то просеку противопожарную пропахать, то объезд сделать, то на работу отвезти. Пожары, посевы, санрубки, – да мало ли их – этих хлопотных забот у лесной охраны. А хозяйство ого-го какое, и глазом не окинешь. Кто первый назвал её таким некобыльим именем, уж теперь не разберёшь, а только Лизке это без разницы. Коли в хлеву тепло, да в кормушке сытно – зови хозяин хоть горшком, только в печь не ставь.

Была она кобылой смирёной, но в работе выкладывалась всегда без остатку. Хотя, какая, казалось бы, у кобылы работа: знай, себе, тяни – и все дела. Э-э-э, не скажи, брат. Иная лошадь с виду вроде и тянет, а приглядишься – видимость одна: не тянет, а волокёт еле-еле. И поставь такую в пару – косилку тягать – напонуешься и наорёшься до хрипоты. Лизку тут упрекнуть не в чём; если везёт, так сразу видно, что со всем прилежанием. Мне, другой раз, её даже жалко было, если мужики на неё за что-то покрикивали, а то и кулаком замахивались. Ведь добродушнейшее же существо: никогда не напакостит, не зауросит, не заленится – за что орать-то? Так хотелось в такие минуты погладить её, пожалеть... Ну и что ж, что она такая большая, а ведь тоже живая.

История, о которой я хочу рассказать, случилась со мной и с Лизкой ещё в ребячестве. Было тогда во мне, как говорится, метр с кепкой, ходил я в класс, наверное, шестой, от силы в седьмой – не помню уж точно, давно дело было – а вот сама история отпечаталась в сознании до мелочей.

Припёрло нас как-то раз под Рождество с сеном. Отец в командировку по каким-то лесным делам уехал да задержался, мать захворала, и сенной запас весь поиздержался. Как мы его ни урезали, сколь ни сэкономили, но хоть урезай, хоть нет, а корове-то ведь в ясли дров не сунешь. Вот и выяснилось в один прекрасный день, что назавтра к вечеру скотину кормить нечем. Что тут станешь делать: мама слаба – только по избе кое-как ходит, сестрёнки младшие только пицать умеют – ехать некому. Окромя меня, конечно. А с возом сена – это не то, что с возом дров, хлопот не сравнишь. Опять же ни подсобить, ни подсказать некому. Понятно, что весь этот процесс я уж не раз видал и даже помогал в таких поездках отцу, но одно дело, когда ты беззаботный пассажир, и совсем другое, если ты – один. Но делать нечего, надо ехать.

Встал я наутро, как мужики, пораньше. Поел поплотнее – и во двор, к кобыле. Мороз в тот день не шибко свирепствовал, однако же градусов под 30 наверное набиралось – январь в разгаре всё-таки. Отворил я двери в хлев, и туда сразу клубы пара морозные вперёд меня! Лизка оборотилась недовольно – кого это, дескать, в её тёплые владения принесло – глядь, а хозяин-то какой-то не настоящий: уж больно мал. Однако же намерения выказывает серьёзные. И вот ведь золото – кобыла: другая бы и узду-то надеть не дала – поди, достань до её морды, если она голову поднимет, а то и вовсе задом повернулась бы; берегись, дескать, не ровен час и копытом получишь! Эта нет: как увидела, что я узду решительно с гвоздика снимаю, вздохнула, конечно, но, делать нечего, морду свою сама же ко мне и протянула. А дальше уж на поводке, да и в садник.

Лошадь запрячь, если кто видал, – дело, в общем-то, нехитрое, но и в нём тоже свои

тонкости имеются. И кобыла, зная, что упряжь носить ей, внимательно-внимательно за мной наблюдать взялась, как я её снаряжать начал. На всякий случай. Уж больно мал хозяин-то, а ну, как да чего перепутает. Смотрит – седёлко, вроде, правильно надел. И подпругу откуда надо застегнул. А дальше-то хомут... А вы хоть раз ярмо это лошадиное видали? Весу в ём знаете сколько? А голова у кобылы на какой высоте растёт? Вот и прикиньте, как этот хомут туда нахлобучить, если в вас росту только метр с кепкой! Лизка и тут меня выручила; как только увидела, что у меня затруднения начались, сама голову до земли опустила и в хомут всунула! Только поправить осталось – во, кобыла!

Приладил я хомут, одобрила мою работу Лизка, и уж сама безо всякой подсказки в оглобли зашла. Пристроил, завернул я дугу, – опять проблема: супонь надо затягивать. Одно дело, когда ты её на пустом хомуте на сенокосе завязываешь, и совсем другое, ежели в оглоблях. Дуга-то – это ведь не вичка вам какая-нибудь, спробуй-ка согни её! Мужикам-то что: у них же ноги, ровно у сохатых: одной в землю, другой в хомут упрутся, супонь – рррраз на себя – и всё готово. А каково тут, когда ногу аккурат на уровень собственных глаз надо задрать, чтобы в хомут упереться? Порхался я порхался с этой супонью – не затянуть, хоть реви! Опять Лизка выручила. Посмотрела-посмотрела на мои мучения да и поворотилась вместе с санями боком ко крылечку. Залезь, дескать, маленький хозяин, на ступенечку повыше, тебе с неё ловчее будет меня запрячь. Во, голова! Я тово часу непокорную супонь и затянул. А дальше уж инвентарь всякий на сани... Гляжу: а Лизка опять глазом на меня косит, опять проверяет, всё ли взял, что может в лесу потребоваться. Так вот мы с ней вдвоём и собирались. И ежели приглядеться, то не сразу и поймёшь, кто тут главный: кобыла хоть и младше меня на годок-другой, но куда опытнее и знает весь этот процесс до тонкостей. Однако же я, видать, не оплошал, и когда всё необходимое на санях было пристроено, кобыла на меня всё-таки с почтением взглянула – можно ли, дескать?

«Можно», – разрешил я и, подтверждая, пошевелил вожжами.

Мы и поехали.

...Куда ехать – Лизке подсказывать было не надо. Дорогу к стожкам сена она как свои четыре копыта знала, мне только по сторонам поглядывать оставалось.

А красотища-а-а!!! На небе ни облачка, солнышко аж белое от мороза, и всё вокруг, словно птица перьями, белым инеем нахохлилось. Всякая травинка, из-под снега торчащая, всякий кустик, не говоря уж о деревьях. Одни тетерева только на белых берёзах чёрные, как головёшки. Недаром их пальниками-то прозвали – палёные, значит. Мало-помалу и Лизка, смотрю, закуржевела. Хитрая, однако, кобыла: шибко не бежит, чтоб не вспотеть, и шагом не идёт – знай себе, трусит в удовольствие да пофыркивает. Так четыре километра мы и одолели. И мне замёрзнуть некогда было.

Стожок наш под угором стоял, у самого леса. А замело. Порожняком-то мы с Лизкой легко вниз спустились, а только вижу я, что кобыла моя вязнет в снегу мало не по брюхо. Сани же по насту идут. Притулилась, было, моя помощница к стожку, пахучего сенца пожевать вознамерилась, но я её от этого приятного занятия оторвал:

«Не подняться нам с тобой, Лизуха, в угор с возом, даже с маленьким, если дорогу не промнём». Согласилась без звука, ухватила напоследок ароматный сенной пук и давай опять в угор с пустыми санями – дорогу торить.

Изладились. Укрыл я её одеялом, как возвратились мы к стожку, сена нашиньгал охапochку – подкрепляйся, помощница, да отдыхай. Та и довольна: тепло и вкусно.

Вообще-то это дело непустяшное – воз сена нагрузить. Сноровка нужна, соображение. Сперва ведь отпилить – да, да, отпилить, и пила специальная для этого есть! – надо столько, чтобы влезло без остатка, потом укласть ровно, чтоб не перевернуло где в ухабе, да ещё и увязать бастрюгом – это жердь такая длинная, толстая специально для увязки сенных возов

– чтоб не растрясло. Не видал – не сумеешь, а если и привезёшь, то, дай Бог, охачку – корове с овечками на день. А каждый день не всегда удаётся съездить. Хорошо, что насмотрелся я, как это отец мой делает, и, когда, вот, пристручило – всё и пригодилося.

Увязался я. Аккуратно так, увязался и без остатков. И Лизка к той поре обед свой дожевала. Посмотрела опять на меня – что, дескать, маленький хозяин, всё ли у тебя ладно? А я уж с вожжами в руках:

«Ладно, – говорю, – Лизуха, ладно!»

Ну, а той повторять не надо, коли ладно – будем работать. И поехали.

Тяжко. Ох, и тяжело мы с ней в угор подымались! Возок, хоть и невелик, а круто. И наст буровит. Вот где я Лизку во всей красе её трудолюбивой увидел! Как она этот воз тянула! Сколько рвения и азарта в труд свой вкладывала, – я еле-еле бегом за ней поспевал! Несколько раз она отдышаться останавливалась и ни разу не застаивалась больше, чем ей это надо было, дух переведёт – и опять вперёд. И без всякой команды! Да и как такой помощнице командовать будешь? Язык ведь не повернётся, видно же, что добросовестно животное трудится. Полное у меня к ней доверие было, и она его с честью оправдывала.

Вылезли! Забрался я на воз, и какое-то время мы с Лизкой хорошо по ровному месту проехали. Умнейшая кобыла, сама знает, где как поворотить, чтобы воз не заносило, не опруживало – ничего подсказывать не надо, хоть и вожжи в руки не бери!

Но в одном месте очень круто спуститься зандобилось. Да в косогоре и с поворотом. Возов там перевернулась – уйма! Ежели лошадь не удержишь – считай, что воз на боку. Остановил я кобылу перед спуском, подошёл к ней, а она – ох, и сметливая же! – знает уже, зачем подошёл. Голову отвортила в сторону – не даётся. Понимает, что сейчас удила в рот пихать станут, а похватай-ка железяку оледенелую на тридцатиградусном морозе мокрыми-то губами!? Каково? Враз губы-то на железяке и останутся! Хоть у человека, хоть у лошади – всё едино. Посочувствовал я ей, конечно, но сам на своём: надо, говорю, Лизуха. А ну как я тебя не удержу, да мы перевернёмся? Чего тогда? Как выкручиваться будем? Уж потерпи, пожалуйста, несколько минут, я тебе железяку сразу изо рта выну, как только спустимся. Слушает меня моя помощница, понимает, что я всё правильно говорю, а железяку-то всё равно не охота в рот брать. Но ведь надо. Пожевала она, пожевала, слюны побольше в рот напустила, увидела, что и я удила сеном протёр – сдалась. Повернула ко мне голову, позволила железяку себе в рот сунуть, и ну – перебирать её скорей губами, чтобы та к ним не прилипла.

Спустились. Удержал я кобылу; да и как не затормозишь, ежели у тебя мёрзлым железом губы разрывают? Всё удачно получилось, и я сразу же обещание исполнил, как только мы опасный спуск проехали – удила изо рта Лизкиного вытащил. А уж потом, довольная – что не обманули – кобыла меня с возом живо до дому довезла.

Освободил я её от упряжи, сбрую снял, а Лизка отошла на чистенький снежок и – давай по нему кататься! Голову приложит одной щекой ко снегу и - на спину вверх ногами. И дрыгает, это, ими, как заправский гимнаст после тяжёлых упражнений. Так того, небось, тренеры знающие учили этой науке. Лизку же, видать, матушка родная когда-то да мудрость природная.

«А хорошо мы с тобой, Лизуха, поработали! – благодарно похлопал я ладошкой кобылу по тёплой мягкой шее, когда она поднялась и отряхнулась от налипшего снега. – Корове теперь надолго сена хватит, а там и батя приедет».

В ответ Лизка близко-близко протянула ко мне свою большую голову. Так близко, что чуть не весь мир вокруг меня один её глаз заслонила. И увидел я в его тёмной глубине коротконового карлика с кривыми ногами и с головой до того большущей, что она одна больше того уродца оказалась. Пригляделся – батюшки-светы! Да ведь это же я сам в виде

этого карлика в Лизкином глазу отразился, до того он близко от меня оказался! А Лизка вдруг, остороженько так – не придавить бы ненароком, уж больно повелитель-то маловат! – свою большую голову мне на плечо положила... – и замерла. Признала, значит.